

УДК 81–11

Лингвокультурема «дача»: история формирования в русской языковой картине мира

Аглеева Зухра Равильевна

Доктор филологических наук, доцент, профессор,
кафедра современного русского языка,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20а;
e-mail: z.agleeva@yandex.ru

Ивашкович Татьяна Ивановна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент,
кафедра современного русского языка,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20а;
e-mail: tivashkovich@mail.ru

Лукина Наталья Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра современного русского языка,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20а;
e-mail: lukina.71@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена национально значимой для русского сознания лингвокультуреме «дача», которая представляет несомненный интерес для культурологов, филологов, историков, социологов, экономистов. Проводится сопоставление слагаемых этой лингвокультуремы в разные исторические эпохи. Делаются выводы о становлении лингвокультуремы, о специфике ее содержания и смысловых сдвигах в процессе трехвековой истории социально-экономических и политических влияний. На большом количестве примеров, выбранных из Национального корпуса русского языка, авторами рассмотрен феномен дачи как показатель благосостояния и одновременно эстетического вкуса хозяина. Лингвокультурологические исследования предполага-

ют прежде всего выявление культурной информации в языковых единицах, поэтому в статье подробно описывается функциональный аспект лингвокультуры «дача», в частности, как места отдыха и развлечений и как места работы с целью повышения благосостояния семьи. Предметом рассмотрения также стало отношение дачников к даче в разные исторические эпохи, и отмечено, что большинство текстов-иллюстраций является эмоционально оценочными, как правило, с положительными коннотациями. В статье приводятся и номинации *фазенда, ранчо, усадьба* и др., которые часто иронически окрашены или в настоящее время используются в основном в разговорном дискурсе.

Для цитирования в научных исследованиях

Аглеева З.Р., Ивашкович Т.И., Лукина Н.В. Лингвокультура «дача»: история формирования в русской языковой картине мира // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 6А. С. 261-273.

Ключевые слова

Лингвокультура, комплексная межуровневая единица, культурная информация, дача, номинация.

Введение

Лингвокультурология, изучающая принципы кодирования культуры языком, культурную информацию, которую несут те или иные языковые знаки, языковую картину мира и др., культивирует знания интегрированного типа, придерживаясь принципа антропоцентризма при изучении явлений действительности. По определению Г.В. Токарева, культура – результат действия процессов смыслообразования, система его принципов и продуктов. Результаты этих процессов воплощаются на ментальном уровне в виде определенных лингвистических номинаций, которые именуются разными авторами как *концепты, лингвокультуры, логоэпистемы, ключевые слова культуры* и т. д. В.В. Воробьев определяет лингвокультуру как «комплексную межуровневую единицу, представляющую собой единство лингвистического и экстралингвистического (культурного) содержания» [Воробьев, 2008, 50]. Лингвокультура вбирает в себя собственно языковое представление и внеязыковую культурную среду, а также устойчивую связь ассоциаций, границы которой могут быть очень подвижны.

Выбранная нами для анализа лингвокультура с момента своего становления прошла несколько этапов. Интерес к исследованию дачи как культурного, исторического, социального феномена, к истории развития дачной культуры вполне объясним, так как в течение почти трех столетий лингвокультура «дача» обслуживала значимый для России культурный пласт.

Культурная составляющая лингвокультуры «дача»

К данной лингвокультуре можно, на наш взгляд, применить высказывание Г.В. Токарева о символах: «В рамках одного культурного пространства наблюдаются разнообразные тенденции. Некоторые символы переходят от одной культурной эпохи к другой практически без изменений, другие – несколько меняют свою семантику, третьи – остаются атрибутом своей культурной эпохи» [Токарев, 2011, 264]. В истории русской лингвокультуры лингвокультура «дача» стала своего рода символом, о чем свидетельствуют публикации социологов, историков, литературоведов и т. д., и соединила в себе две из указанных выше тенденций. Проследим, каким образом лингвокультуре удалось объединить две разные тенденции.

Дача в разные эпохи часто была показателем благосостояния хозяина (вспомним описание роскошных дач состоятельных людей) и в какой-то степени – дизайнерских решений, чаще удачных: *Дача Епанчиных была роскошная дача, во вкусе швейцарской хижинки, изящно убранная со всех сторон цветами и листьями* (Достоевский); *Фамилия их Рутыгины, у них тоже своя дача в два этажа и наверху чудная башенка с балкончиком, откуда далеко-далеко все видно* (Новицкая); *... вот и дача с готической башней, стоящая высоко над озером на голом сглаженном черепе скалы* (Березин); *Живет великолепно. Дача – роскошь! На подъезде встретил нас лакей в белом галстуке* (Лейкин); *Огромная и красивая дача, большая терраса которой, увитая плющом и задрапированная полотном, выходит в сад, простирающийся до самого взморья* (Писемский); *За елями – большое здание, дворец-дача-декорация* (Шкловский); *Но не пугайся, у старика своя дача: его вилла за две версты от моей дачи* (Вяземский). Последнее предложение не содержит эксплицитной оценки дачи старика, но использование в контексте лексемы *вилла* и противопоставление её *даче* автора говорит само за себя. Толковые словари определяют *виллу* как «комфортабельный загородный дом с парком или садом» [Ефремова, 2005, Т. 1, www]; «богатый дом с садом» [Ситникова, 2010, www]. Что представляли собой дореволюционные виллы, можно судить по статье из Большой советской энциклопедии: *Вилла (лат. villa – усадьба, поместье, уменьшительно от vicus – деревня, посёлок) – тип загородного дома с садом или парком. Первые виллы появились в Италии в III в. до н. э.; во II–I вв. до н. э. они уже встречались по всему Средиземноморью. <...> В XIX веке виллой называют комфортабельный частный дом с садом или парком в привилегированных районах города или пригорода, а также в курортной местности* [Кузищин, Датунов, 1977, www].

Конечно, богатство не обязательно предполагало наличие вкуса и чувства меры: *Зато ей чрезвычайно нравилась дача, которая была почти напротив их, принадлежавшая какому-то золотопромышленнику, в которой готизм доведен был до невероятного; Лидия Ивановна говорила, что этот сад и дача – маленький Эрмитаж* (Панаев). Были и «шедевры», подобные описанным В. Набоковым: «...большая *нелъная дача* со многими *лъсенками*,

переходами, галлереями, такъ забавно построенная, что порой нельзя было установить, въ какомъ этажѣ находишься, ибо, поднявшись по какимъ-нибудь крутымъ ступенямъ, ты вдругъ оказывался не въ мезонинѣ, а на террасѣ сада».

Дача была притягательным местом, где можно было отдохнуть от городской суеты, подышать свежим воздухом, расслабиться на природе. Этому способствовало и расположение дач: выбирались, говоря современным языком, экологически чистые районы. *Построенная в виде красивого швейцарского домика, дача находилась на берегу взморья, вдали от всякого жилья, посреди громадного парка с тенистой, липовой аллеей, тянувшейся почти три четверти версты* (Панаева); *Дача в большом парке. Парк старинный, с разными гротами и пещерами* (Боборыкин).

Писатели, общественные деятели XIX века нередко отмечали особую атмосферу дачной жизни, беззаботной и безмятежной, полной увеселений, праздности: *...он там <на даче> устроил у себя для публики всякого рода увеселения: вокзал, гулянье, театр на открытом амфитеатре в саду, фейерверки и т. п.* (Благово); *вся дача была иллюминирована, и в заключение праздника сожжен был огромный фейерверк, и когда в щите загорелся вензель императрицы, со всего полка собранные барабанички били поход, и полковая музыка играла* (Комаровский); *Именины или рожденья на дачах празднуются обыкновенно с большим шумом и блеском, балконы убираются гирляндами цветов, а вечером вся дача освещается разноцветными фонариками* (Панаев); *...хозяину каждое воскресенье стоило до пятисот рублей* (Долгоруков). Нередко дача могла занимать большую территорию, где располагалась и другая недвижимость хозяев: *Но скажите: там у меня есть мельница и огромная лесная дача* (Писемский); *После покойной жены его досталось ему богатое наследство в Пензенской губернии – бесконечная лесная дача, при коей устроил он обширный винокурный завод* (Вигель); *Дача наша состояла из деревянного барского дома с колоннами и двух низеньких флигельков; во флигеле налево помещалась крохотная фабрика дешевых обоев...* (Тургенев).

Оказываясь за границей, состоятельные россияне сохраняли не только традиции, но и привычный образ жизни, в том числе и отдых на даче: *Одних интересует бывшая тургеневская дача в местечке Буживаль под Парижем...* (Хабаров); *И дача с большой террасой с видом на Белград и Саву напоминала помещичий дом, а самовар на террасе и именинные пироги напоминали русский усадебный уклад жизни* (Долгоруков); *Наша казенная дача была в 30 верстах от города, в упраздненной крепости Зегрж, на берегу широкой реки Буго-Нарев* (Брусилов).

Интересное обобщение наблюдений над праздной летней жизнью состоятельных европейцев делает Н.В. Гоголь: *Веселее всех других в продолжение лета Баден-Баден. Это дача всей Европы. Из Парижа, из Англии, из Испании, из Петербурга наезжает сюда народ на лето вовсе не для того, чтобы лечиться, но чтобы сколько-нибудь веселее профинтить время.*

Но далеко не все могли позволить себе подобного рода роскошь. В период, который культурологи и социологи называют «массовым распространением дачного феномена» [Курлова, 2014, www], когда дачи стали покупаться и арендоваться представителями различных социальных слоев, дача могла быть и лачугой: *Точно, говорит, что позапрошлый год это был коровник, но вот уже второй год дача, так как мы пол новый настлали и окно сделали; Дача была отвратительная, на голом косогоре, под вечным солнечным припеком* (Лесков); *...дача была из рук вон гадкая; Через полторы недели нанята маленькая дача на Каменном острове, и они поселяются на ней* (Чернышевский); *У них была нанята такая же дача, как у нас, то есть простая деревенская изба; Пятачковая казенная дача занимает широкую и болотистую низменность в двести тысяч* (Мамин-Сибиряк); *Что это была за дача! Изба, перегороженная не до потолка, в которой с одной стороны была кухня, а с другой его комната, вроде чуланчика, где он работал и спал* (Панаева). Появление такого рода дач и «дачек» объясняется увеличением их количества и тем, что вслед за высшим сословием к дачной культуре начали приобщаться и разночинцы. Пребывание в летний период за пределами пыльных, неблагополучных в плане экологии городов стало постепенно общей тенденцией. Возможно, сыграла роль и мода.

Очень ёмко и точно охарактеризовал роль дачи для тех, кто не мог поехать лечиться на воды или в Европу, М.Е. Салтыков-Щедрин: *Дача как вместилище восстанавливающего воздуха полей – вот все, что нужно*. Те, кто не мог позволить себе дальнюю поездку на отдых или лечение, нередко видели в даче своего рода панацею: *– Я теперь совсем здорова, только немножко слаба, – говорила она тихим, прерывающимся голосом, – вот перееду на дачу, так там поправлюсь* (Анненская); *Она поправлялась довольно медленно, и только дача и чистый воздух произвели на нее свое благотворное влияние* (Шеллер-Михайлов).

Наиболее значительным лицам, имевшим определенные заслуги перед государством, дачи и уголья дарились, «выделялись»: *Великому князю подарена дача, расположенная на полупути от Зимнего дворца, где обитает Великая Государыня, и Павловском* (Архангельский); *Между тем Контора Коллегии иностранных дел ждала из Конторы Сената указа о выдаче «кормовых денег» Мирбезу и его окружению, «понеже она дача чрезвычайная и на Коллегию иностранных дел не положенная»* (Усенко). Позднее традиция приносить в дар участок земли, поместье распространилась и на ученых, известных промышленников и т. д.: *В это время в Петербурге проживал глава семьи известных шведских инженеров Эмануил Нобель. Дача Нобеля соседствовала с дачей Зинина* (Гумилевский).

Какой бы она ни была дача, каким образом она ни была бы приобретена, воспоминания о ней чаще всего оставались самыми приятными, иногда всё несколько идеализировалось, так как время пребывания на даче было временем безмятежности, отдыха, нередко молодости: *Ах, эта дача!.. Лунные ночи, зеленые пятна, красненькое платьице дочери, мелькавшее в кустах...* (Арцыбашев); *Ах, эта дача!.. Вернуться назад, каким-то чудом сбросить эти сухие руки, эту страшную маску седин и морщин, пойти в лунную ночь*

между темных лиц и всей грудью, изо всех сил вдыхать ночную свежесть, дышать жадно, страстно, без конца (там же).

И во второй половине XX века у многих россиян сохранилось особое восприятие дачи как символа молодости, красоты, безмятежности: *...открою секрет – дача эта вовсе не дача, а моя малая родина* (Зайончковский); *Дача – лучшее место, чтоб все не кануло* (Щербакова); *Дача – это свобода. Дача – это счастье. Наверное, многие с детства помнят то всеобъемлющее чувство радости, которое сопровождало первым сборам на дачу* (Козьминская); *Выезд летом на дачу, куда из города везли целый грузовик кастрюлек, собак с кошками, велосипедов, подушек, книг, заданных на каникулы, – одно из самых романтических воспоминаний детства для нескольких поколений, как говорится, советских людей* (Дача от «А» до «Я»).

Конечно, за те столетия, что существуют дачи, многое изменилось и в дачной культуре. «Новая дача советского периода» (термин социологов) представляла собой своеобразный феномен, в котором, с одной стороны, сохранились отдельные черты прошлого. «Благодаря означиванию эти установки воспроизводятся и транслируются из поколения в поколение, создавая предпосылки для традиционной их преемственности в самосознании социума» [Телия, 1999, 19]. Дача по-прежнему представляла собой «символическую вселенную, в которой человек и осуществляет свою жизнедеятельность» [Там же]. По-прежнему, для многих хорошая дача оставалась одним из критериев состоятельности, входила в своеобразный «перечень» составляющих благополучия, включающий основные «блага» в представлении обывателя: *Квартира есть? Дача есть? Стенка, хрусталь, ковер имеются?* (Пищикова); *Конечно, она увлеклась: и красная машина, и дача, известность* (Терехов); *У него в Ленинграде квартира, машина, дача* (Давыдов). Как и прежде, это было наследство, которое могло быть передано детям или внукам: *Для меня дача – это то, что я могу оставить моим обожаемым девочкам* (Вертинская); *Дача в Томилине была семейной реликвией из прошлого века* (Иличевский).

И в XX веке дачи давались государством с учетом вклада владельца – отсюда целые дачные поселки известных литераторов, ученых, партийных и советских деятелей, так называемой номенклатуры, выдающихся спортсменов: *Дед – настоящее математическое светило, которого за талант и вклад в советскую науку оделили всеми возможными материальными и нематериальными благами: ордена, госпремия, просторная квартира на площади Мужества, дача в Комарово* (Баконина); *В прошлом он был уважаемым человеком, членом великого Союза писателей, у него была трехкомнатная квартира в центре Москвы, дача в Переделкине и возможность лечиться в ведомственной поликлинике; Павел Павлович прожил вроде бы вполне успешную жизнь. Дети, дача, машина, трое внуков. Он был известен, почти знаменит, много работал и много зарабатывал* (Мишарин); *Видимо, у Виноградова имелась другая, государственная дача, где он и жил, а эта была построена, вероятно, на всякий случай* (Розов); *...все, казалось бы, оформлено: квартира в Лаврушин-*

ском, *дача в Переделкине; ...дача Утесова, который готов, говорят, продать ее «не выше балансовой стоимости», – большая, одна из роскошнейших – периода “Веселых ребят”* (Твардовский); Адрес: *«Городок писателей, дача Чуковского – сначала шоссе, потом что-то такое направо, налево»* (Чуковская). Такого рода дачи сохранили первоначально многое из прошлой эпохи: часто у владельцев их были помощники по хозяйству, садовники, водители и т. д., хотя это широко не афишировалось. Многие зависело не от положения человека в обществе, а от характера, потребностей, уровня притязаний: *У Андропова была довольно скромная служебная дача* (Светлова); *Дача-то хороша-хороша, да только государственная, и на каждой мебелишке – инвентарный номер прибит* (Солженицын).

В советский период было общим отношение к номенклатурным дачам и ведомственным квартирам: лишение должности означало и лишение привилегий. Но и это не было порождением советского строя, ведь такая практика существовала и до революции. Как и раньше, дача могла быть не только выделена, предоставлена, но и отобрана, если она была ведомственная, даже аренда не могла помочь: *Все ничего бы, – говорили переселенцы, – да прошел стух, что Ирбинская дача должна отойти в казну, и что нас выселят* (Успенский); *Стали мы хлопотать через своего адвоката, чтобы оставили нас на старых местах, если дача отойдет в казну, но дело наше не выгорело* (там же); *После отставки ее сразу лишили правительственной дачи в Горках-Х. Дача действительно была роскошная: двухэтажная, с бильярдной, солярием, кинозалом и обслуживающим персоналом* (Светлова).

Для большинства владельцев дача постепенно превращалась из места отдыха в место, где работают, чтобы иметь свежие фрукты, овощи, ягоды, вносить своеобразный вклад в семейный бюджет: *Ну и всякие огородно-земляные работы, дача, как это принято на майские праздники («Дело»); ...всей семьей строились планы, какая будет дача и расположение сада и цветников, и где отвести места под гряды – салата, огурчиков, редиски* (Владимов). Своеобразным предостережением прагматизму многих дачников звучат слова Е. Козьминской: «Дача – это свобода. Дача – это счастье. Главное, чтобы с годами это ощущение не пропадало, и на дачу продолжали ездить наслаждаться отдыхом, а не ради вскапывания грядок и окучивания картошки».

Правительственные и ведомственные дачи и дачи рядовых тружеников, конечно, различались. В современном русском языке достаточно лексем для характеристики этих разновидностей дач, но до девяностых годов это было единое – *дача*.

Лингвистическая составляющая лингвокультуры «дача»

Начавшееся в 90-е годы резкое материальное и ценностное расслоение общества отразилось и на понятии, передаваемом лингвокультуремой «дача». Достаточно часто в шутку дачи стали называть *фазендами* (в результате влияния популярных в те годы мыльных опер), *ранчо, усадьба, поместье* и т. д. Создалось впечатление, что лексема *дача* становится

менее актуальной, так как она не отражает в полной мере изменений в значении понятия. Но уже следующее десятилетие показало, что лексема *дача* остается общепринятой, так как слово это исконно русское, наиболее точно передающее этимологию, оно номинирует русскую реалию. Современник первых дачников, лексикограф и писатель В.И. Даль в «Словаре живого великорусского языка» определяет лексему *дача* следующим образом: «Небольшая поземельная собственность, некогда даровая, от царя, или данная по дележу, по отводу; угоды и земли округленные, обмежеванные, собь владельца или общества. | Загородный дом, заимка, хутор, мыза, отдельная усадьба, жильё вне города. | Дачный, к даче принадлежащий, относящийся. Дачник м. -ница ж. – участник в общей даче, совладелец. | Житель загородной дачи, охотник до дачной жизни» [Даль, www]. Обратим внимание на словосочетания *некогда даровая, от царя, или данная по дележу, по отводу (дача от дать)*. Выше отмечалось, кому «даровались» дачи и участки.

Лексема *дача* имеет частотные дериваты: *дачник* и его гендерный коррелят *дачница*, уменьшительное или пренебрежительное *дачка*, прилагательное *дачный*, отличающееся высокой валентностью (*дачный поселок, домик, сезон, отдых, урожай, форум, налог; дачная пора, амнистия; дачное общество, строение; дачные работы, посиделки* и т. д.). Потенциальная сочетаемость и внутренняя (словообразовательная) валентность слов *фаенда, ранчо, вилла* и др. по понятным причинам гораздо ниже, чем у рассматриваемой лексемы, а *поместье и усадьба* до некоторого времени воспринимались как архаичные.

Лингвокультурема *дача* как комплексная межуровневая единица отвечает критериям, которые были отмечены В.В. Воробьевым: «могут либо актуализироваться, либо не актуализироваться в сознании воспринимающих; активно „живут“ до тех пор, пока активно „живет идеологический контекст», их породивший“» [Воробьев, 2008, 52]. Более того, лексема-репрезентант может на короткое время у отдельных членов лингвокультурного сообщества уйти в пассивный запас, а затем «возродиться».

Официально многие дачные общества, принадлежавшие ранее предприятиям, стали переименовывать в садоводческие товарищества, огороднические и дачные объединения. То, что происходит в данный момент с дачами, оценивается различными источниками по-разному. С одной стороны, отмечается рост загородных домов, усадеб и т. д., оценивается их роль в сохранении некоторых малонаселенных деревень, что характерно для соседних с Москвой областей и городов-миллионников. По некоторым данным, в стране насчитывается около 20 млн. дачных участков, однако, как замечает тот же источник: «В любом случае точное число дач в России – от огородов, приусадебных хозяйств с домом или без до загородных дворцов – точно неизвестно никому» (www). Кризис и антироссийские санкции привели к тому, что в 2016 году, по данным ВЦИОМ, «около половины отдыхающих (46%) провели отпуск на дачных участках» (ВЦИОМ, 2016 www).

С другой стороны, в отдаленных от центра регионах, где высока доля частного сектора, наблюдается несколько иной процесс. Сокращается количество дач в привычном понима-

нии, все чаще речь идет о загородных домах, коттеджах. Так, газета «Волга» (Астрахань), отражая наметившуюся в последние годы тенденцию, констатирует: «В Астраханской области постепенно исчезают дачные участки. Их скупают под жилую застройку..., некоторые дачные общества постепенно и вовсе превратились в жилые поселения. Собственно дачников, впрочем, становится год от года только меньше» [В Астраханской области..., 2015, www]. Даже в пределах одного региона возможны разные тенденции в развитии понятия, легшего в основу рассматриваемой лингвокультуры. В той же Астрахани вокруг областного центра и на его окраинах сохранились и дачи в прежнем понимании, и новые застройки, назвать которые можно не иначе, как коттеджные поселки. В близких к Астрахани сельских районах созданы товарищества (например, «Бережок», «Вымпел», «Спектр», «Волгарь» и др. в Наримановском районе), садоводческие общества в Приволжском районе. Однако, несмотря на различия в официальных названиях, в русской языковой картине мира традиционна лингвокультура «дача», так как для адекватного общения коммуниканты пытаются подобрать такие языковые единицы, которые могли бы наиболее точно выразить их мысли. Лексема *дача* в языковом сознании россиян содержит и аксиологическую составляющую: она воспринимается как память о прошлом, старых добрых временах, как связующее звено между поколениями.

Не совсем точным, на наш взгляд, является мнение о том, что *дача* не переводима на другие языки. Действительно, есть случаи передачи этого слова с помощью транслитерации *dacha*, но, например, в немецком языке встречается несколько лексем, в том числе и частотных сложных слов, этимологически связанных со словом *das Land* (*ein Landgut, auf dem Lande, das Landhaus* и др.), а в английском – *country villa, country house, bungalow, cottage* и др. Так, в переводах на немецкий язык русской классики встречаем: «Постоянная **дача** Алексея Александровича была в Петергофе, и обыкновенно графиня Лидия Ивановна жила лето там же, в соседстве и постоянных сношениях с Анной» (Толстой) – *Das Landhaus, das Alexei Alexandrowitsch dauernd gemietet hatte, lag in Peterhof, und gewöhnlich verlebte auch die Gräfin Lydia Iwanowna den Sommer an demselben Orte, in Annas Nachbarschaft und in beständigem Verkehr mit ihr*; «И у вас, вы говорите, там своя **дача** есть?» (Достоевский) – *Und Sie haben, wie Sie sagen, dort ein eigenes Landhaus?* Аналогично поступают переводчики и при переводе на английский язык: «Что я сказал, что у князя Ивана Иваныча есть **дача**, – это потому, что я не нашел лучшего предлога рассказать про свое родство с князем Иваном Иванычем и про то, что я нынче у него обедал...» (Толстой) – *What I had said about Prince Ivan Ivanovitch having a country villa, I had related simply because I could find no other pretext for mentioning both my relationship to the Prince and the fact that I had been to luncheon with him that day.* В переводе романа «Посмертные записки Пиквикского клуба» Ч. Диккенса лексема *дача* используется в качестве эквивалента *country house*: *Has an express come to say that his country house is a fire?* (Dickens) – Или прислали нарочного сказать, что его *дача* горит?

Заключение

Подобно концептам, лингвокультуре́мы могут быть индивидуальными, групповыми, общенациональными и общечеловеческими, понятными на межнациональном уровне. Лингвокультуре́ма «дача» может быть отнесена к общенациональным, так как обслуживает все социальные группы общества и является отражением национально-культурных стереотипов, создававшихся на протяжении нескольких столетий. Конечно, исторические, политические, экономические изменения в стране не могли не отразиться на культурной составляющей данной лингвокультуре́мы, но и сегодня дача остается значимой реалией российского лингвокультурного пространства. Обращение к лингвокультуре́ме «дача» как единице русской языковой картины мира позволяет раскрыть особенности дачной культуры России (следует отметить культурную маркированность этой лингвокультуре́мы) и мировосприятия русской лингвокультурной общности. Лингвокультуре́ма «дача» обладает всеми признаками такого рода единиц (прецедентность, регулярно возобновляемое обращение членов лингвокультурного сообщества, комплексность бытования, высокая частотность функционирования в различных дискурсах и т. д.) и входит в разряд этнокультурных ценностей, идентифицирующих национальную культуру. Лексема-репрезентант лингвокультуре́мы является доминантой синонимического ряда (этот ряд приводился выше), но члены его менее употребительны в связи с наличием смысловых, экспрессивных и стилистических нюансов. История формирования рассмотренной лингвокультуре́мы позволяет сделать вывод о преимуществах некоторых подходов в организации своего рода социально значимых институтов. Изучение наиболее значимых, ключевых лингвокультуре́м позволяет создать целостное представление о культуре народа, языковой картине мира и представить иерархию этнокультурных ценностей.

Библиография

1. В Астраханской области постепенно исчезают дачные участки // Волга. 2015. 3 октября. URL: <http://astravolga.ru/v-astraxanskoj-oblasti-postepenno-ischezayut-dachnye-uchastki/>
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 2008. 336 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: http://librebook.ru/tolkovyi_slovar_jivogo_velikorusskogo_iazyka/vol1/5
4. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, Астрель, 2005. URL: <http://www.efremova.info/word/villa>
5. Кузищин В. И., Датунов В.М. Вилла // Большая советская энциклопедия. М.: 1970–1977 <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/74429>
6. Курлова Е.А. Динамические процессы в содержании и структуре ассоциативно-семантического поля отдых: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 190 с. URL: <http://www.>

dslib.net/russkij-jazyk/dinamicheskie-processy-v-soderzhanii-i-strukture-associativno-semanticheskogo-polja.html

7. Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru
8. Ситникова М. (сост.) Новый словарь иностранных слов. М.: Феникс, 2010. 299 с. URL: <http://diclist.ru/slovar/inostrannih-slov/a/villa.html>
9. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. 336 с.
10. Токарев Г.В. Размышления о некоторых проблемах лингвокультурологического исследования // Паршина И.Г., Озерова Е.Г. (сост.) Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 262-267.

Linguistic cultureme "dacha": the story of formation in the Russian language worldview

Zukhra R. Agleeva

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor,
Department of modern Russian language,
Astrakhan State University,
414056, 20a Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: z.agleeva@yandex.ru

Tat'yana I. Ivashkovich

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of modern Russian language,
Astrakhan State University,
414056, 20a Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: tivashkovich@mail.ru

Natal'ya V. Lukina

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of modern Russian language,
Astrakhan State University,
414056, 20a Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: lukina.71@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the nationally significant linguistic cultureme "dacha" ("cottage house") for the Russian consciousness, which is of great interest to culturologists, philologists, historians, sociologists and economists. The comparison of the components of this linguistic cultureme in different historical periods is carried out. Conclusions are made about the development of the linguistic cultureme, the specifics of its content and semantic shifts during the three-century history of socio-economic and political influences. By a large number of examples, selected from the National corpus of the Russian language, the authors consider the phenomenon of dacha as an indicator of well-being and at the same time the aesthetic taste of the owner. Linguocultural studies suggest firstly the identification of cultural information in the language units, so the article describes in detail the functional aspect of the linguistic cultureme "dacha", in particular, as the place of recreation and entertainment and as the place of work to improve the welfare of the family. The subject of the study is also the attitude of the summer residents to the country house in different historical periods. It is noted that most of the texts-illustrations is emotionally evaluative, usually with positive connotations. The paper gives the nomination of fazenda (hacienda), rancho (ranch house), usad'ba (estate), etc., which are often ironically coloured or currently are mainly used in the spoken discourse.

For citation

Agleeva Z.R., Ivashkovich T.I., Lukina N.V. (2016) Lingvokul'turema "dacha": istoriya formirovaniya v russkoi yazykovoi kartine mira [Linguistic cultureme "dacha": the story of formation in the Russian language worldview]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 6 (6A), pp. 261-273.

Keywords

Linguistic cultureme, complex inter-level unit, cultural information, dacha, nomination

References

1. Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the live great Russian language]. Available at: http://librebook.ru/tolkovyi_slovar_jivogo_velikorusskogo_iazyka/vol1/5 [Accessed 9/11/2016].
2. Efremova T.F. (2005) *Sovremenniy tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 3 t.* [Modern dictionary of Russian language: in 3 volumes]. Moscow: AST, Astrel' Publ. Available at: <http://www.efremova.info/word/villa> [Accessed 9/11/2016].
3. Kurlova E.A. (2014) *Dinamicheskie protsessy v sodержanii i strukture assotsiativno-semanticheskogo polya otдых: dis. ... kand. filol. nauk* [Dynamic processes in the content and structure of associative-semantic field "rest". Doct. Diss. Abstract]. St. Petersburg. Available at:

- <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/dinamicheskie-processy-v-soderzhanii-i-strukture-associativno-semanticheskogo-polja.html> [Accessed 9/11/2016].
4. Kuzishchin V. I., Datunov V.M. (1970-1977) Villa [Villa]. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Big Soviet Encyclopedia]. Moscow. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/74429> [Accessed 9/11/2016].
 5. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://ruscorpora.ru> [Accessed 9/11/2016].
 6. Sitnikova M. (2010.) *Novyi slovar' inostrannykh slov* [New dictionary of foreign words]. Moscow: Feniks Publ. Available at: <http://diclist.ru/slovar/inostrannih-slov/a/villa.html> [Accessed 9/11/2016].
 7. Teliya V.N. (1999) *Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury* [Priorities and methodological problems in the study of the phraseological composition of language in the context of culture]. *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ.
 8. Tokarev G.V. (2011) *Razmyshleniya o nekotorykh problemakh lingvokul'turologicheskogo issledovaniya* [Reflections on some problems of linguistic and cultural research]. In: Parshina I.G., Ozerova E.G. *Kognitivno-pragmaticheskie vektory sovremennogo yazykoznanija* [The cognitive-pragmatic trends in contemporary linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., pp. 262-267.
 9. *V Astrakhanskoi oblasti postepenno ischezayut dachnye uchastki* [In the Astrakhan region cottage plots gradually disappear] (2015). *Volga* [Volga], 3rd October. Available at: <http://astravolga.ru/v-astraxanskoj-oblasti-postepenno-ischezayut-dachnye-uchastki/> [Accessed 9/11/2016].
 10. Vorob'ev V.V. (2008) *Lingvokul'turologiya* [Linguistic culturology]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia.